

**Литературные хиты:
Коллекция**

Лорану Эврару

СЕКРЕТНОЕ СОБРАНИЕ

Солнце — холодная звезда. Сердце его в ледяных шипах. Свет его безжалостен. В феврале деревья мертвы, река неподвижна, словно источник не исторгает больше воду, а море не в силах ее поглотить. Время парализовано. По утрам ни звука, ни птичьей трели — пустота. Позже автомобиль — один, другой — и внезапно шаги, смутные очертания силуэтов. Дан третий звонок, но занавес опущен.

Понедельник. Город, окутанный туманом, постепенно оживает. Люди, как всегда, отправляются на работу, едут на трамвае, протискиваются на второй этаж автобуса, о чем-то грезят в холодном транспорте. Но 20 февраля того года — особенная дата.

Однако большинство проводило утро в заботах, во власти грандиозного заговора о пользе честного труда, и молчаливая, подобающая случаю правда сосредотачивалась лишь в мелких жестах, а эпопея нашего бытия сводилась к пантомиме неутомимых пчелок. Так день и прошел — спокойно, нормально. И пока люди курсировали между квартирами и заводами, между рынками и дворами, где развешано белье, между конторами и трактирами, возвращались наконец домой, оставляя далеко позади свою честную работу и привычную жизнь, в то самое время на берегу реки Шпрее мужчины выходили из машин напротив дворца. Водители с заискивающим выражением лиц открывали перед господами дверцы, и те покидали черные автомобили и один за другим шагали вдоль тяжелых колонн из песчаника.

Среди мертвых деревьев на берегу их было двадцать четыре: двадцать четыре черных, коричневых или коньячного цвета

пальто, двадцать четыре пары плеч, укрытых шерстяной тканью, двадцать четыре костюма-тройки и столько же брюк со стрелками и с широкими отворотами. Тени проникают в большой вестибюль дворца председателя государственного собрания; но скоро не будет ни собрания, ни председателя, через несколько лет не будет даже парламента — лишь дымящиеся развалины.

Но пока что двадцать четыре фетровые шляпы аккуратно свинчиваются с голов и открывают лысые или увенчанные седыми волосами черепа. Все с достоинством пожимают друг другу руки, прежде чем подняться на сцену. Достопочтенные патриции в сборе, в большом вестибюле, учтиво беседуют, обмениваются шутками: напоминает немного чопорное начало какого-нибудь торжественного приема в саду.

Двадцать четыре силуэта добросовестно преодолевают первые ступени, движутся вперед по лестнице, иногда останавливаются, чтобы не надорвать старое сердце;

держась за медные поручни, лезут наверх с полузакрытыми глазами, не замечая элегантной балясины, сводов, словно взбираются в гору, топча упавшие листья. Через правую дверцу по шахматному полу их ведут к следующей лестнице — там второй этаж. Не знаю, кто был первым из вереницы, да это, в сущности, и неважно, поскольку двадцать четыре делали одно дело, шли дной дорогой, сворачивали направо, оказывались перед широко открытыми двустворчатými дверями, за которыми ждала гостиная.

Говорят, в книгах все возможно. И значит, я мог бы до бесконечности водить этих господ по лестнице Пенроуза¹, и они больше никогда не смогли бы ни спуститься, ни подняться, просто блуждали бы друг за дружкой. На самом деле книги действительно создают подобный эффект. Слова,

¹ Невозможная фигура, бесконечная лестница. (Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.)

лаконичные или растекающиеся, непостижимые или избыточные, густые, объемные, зернистые, пресекают малейший жест, останавливают движение, парализуют. Наши персонажи навсегда заперты во дворце, словно в заколдованном замке, потому что время в мире слов — оцепеневшая бесконечность. Они будто поражены молнией, окаменели, они словно статуи. Двери одновременно закрыты и открыты, старинные своды полуразрушены или, наоборот, только что покрашены, люстра сияет, хоть она и сломана. Мы повсюду в этом времени. Так, Альберт Феглер поднялся до первой лестничной площадки и поднес руку к мокрому воротничку; пот струился по спине и груди, капал со лба, Феглер задыхался и чувствовал легкое головокружение. Под большой позолоченной лампой, освещающей лестничный пролет, Феглер одернул на себе жилет, снял бабочку, расстегнул воротничок. Возможно, Густав Крупп тоже остановился, посочувствовал Альберту, изрек некую сен-

тенцию о старости, которая не радость, — в общем, выказал солидарность. Затем Густав Крупп пошел дальше, а Альберт Феглер еще несколько секунд в одиночестве стоял под светящейся позолоченной тыквой.

Наконец все оказались в маленькой гостиной. Вольф-Дитрих, личный секретарь Карла фон Сименса, на мгновение замешкался возле застекленной двери, глядя на тонкий слой инея на балконе. На миг Вольф-Дитрих забыл о суете, словно растворился в мягком облаке тумана. И пока остальные, потирая руки в перстнях из чистого золота, трепались, курили сигары «Монтекристо», обсуждали дорогие вещи, кротовий мех, жизнь с размахом, баранью ножку, нежную, пряную, Вольф-Дитрих мечтал у окна, созерцал голые ветви деревьев и реку Шпрее.

В нескольких шагах от секретаря Вильгельм фон Опель поднимал и опускал круглые очки, любуясь украшающими потолок фигурками. Фон Опель — персонаж, чьи

предки, простые землевладельцы и прихожане церкви Браубаха, смотрят на нас из далекого прошлого, времен мантии, пучков березовых прутьев с секирой, хуторков, налогов; они становились судьями, бургомистрами, а потом однажды Адам, выбравшись из темной утробы матери и познав хитрости слесарного дела, спроектировал чудесную швейную машину, которая ознаменовала победу семьи в борьбе за хорошую жизнь. На самом деле Адам ничего не изобретал. Он нанялся к мелкому предпринимателю, понаблюдал за работой мастера, затем сделал важный вид и немного усовершенствовал некоторые модели. Он женился на Софи Шеллер, которой перепало значительное приданое, и назвал в честь супруги свою первую машину. Производство быстро росло. Всего за несколько лет швейная машина превратилась в предмет первой необходимости, символ времени и нравов. Ее настоящие изобретатели спохватились слишком поздно. Удостоверившись в успехе швейной

машины, Адам Опель переключился на производство велосипедов. Однажды ночью через приоткрытую дверь он услышал странный голос, и сердце его похолодело. То был не голос изобретателя швейной машины, требующего роялти, не голос рабочего, что клянет низкую зарплату, то был глас Господень, и просил он отдать ему душу смертного. Адам повиновался.

Однако предприятия, в отличие от людей, не умирают. Их загадочная плоть неуязвима. Компания «Опель» продолжила продавать велосипеды, затем автомобили. К смерти своего основателя фирма насчитывала уже тысячу пятьсот рабочих. Их число постоянно росло. Предприятие — организм, чья кровь приливает исключительно к голове. Называется оно «юридическое лицо». Жизнь такого лица гораздо длиннее нашей. Двадцатого февраля, когда Вильгельм медитировал в маленькой гостиной дворца председателя рейхстага, компания «Опель» была уже почтенной пожилой дамой. Нынче

ПОВЕСТКА ДНЯ

«Опель» — империя в империи, и со швейными машинами Адама у нее мало общего. Хотя эта компания — очень богатая дама, она так стара, что ее больше почти не замечают, она стала частью пейзажа. Она старше многих государств, старше Ливана, Германии, старше многих государств Африки, старше Бутана, где древние боги выглядывают из-за облаков.